

АЛЕКСЕЙ
БОБРОВНИКОВ

КРАЙНОСТИ ГРУЗИИ

С рисунками
Кобы Самхарадзе

Emotional Guide
Эмоциональный Путеводитель

Алексей Бобровников

**Крайности Грузии. В поисках
сокровищ Страны волков**

«ОМІКО»

2015

ББК 26.891(5ГРУ)

Бобровников А. Е.

Крайности Грузии. В поисках сокровищ Страны волков /
А. Е. Бобровников — «ОМІКО», 2015

ISBN 978-966-03-7648-9

Это книга о приключении, которое стало путеводителем. «Крайности Грузии» — история путешествия длиной 1221 километр на велосипеде по горам Кавказа. Целью автора было подтвердить или опровергнуть существование нескольких экзотических обрядов, о которых до этого не писал ни один журналист. Автор построил маршрут так, чтобы успеть увидеть и описать древние и языческие ритуалы, сохранившиеся в Грузии вопреки современной цивилизации. Ни одно событие в этой книге не придумано, ни одно имя не изменено.

ББК 26.891(5ГРУ)

ISBN 978-966-03-7648-9

© Бобровников А. Е., 2015
© ОМІКО, 2015

Содержание

Об авторе	6
Крайности Грузии	7
Вместо предисловия	7
Маршрут 1	8
Город, который любит тебя	8
Скучный дворик	9
Завтрак в Тбилиси	9
Базар на Сухом мосту	10
Здесь была Мадонна	11
Что случается в Тбилиси с непрошеными гостями	12
Серная баня	13
Приключение начинается	15
Женщина, не любившая шум	17
«Торопись начать!..»	19
Тбилисский театр марионеток	19
«Забудьте о времени, вы в Грузии»	21
Маршрут 2	23
Из Тбилиси – на запад	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Бобровников
Крайности Грузии
В поисках сокровищ Страны волков

© А. Е. Бобровников, 2015

© К. Самхарадзе, рисунки, 2015

© В. Н. Карасик, художественное оформление, 2016

Об авторе

Алексей Бобровников – журналист, автор документальных фильмов. За фильм-расследование «Вакцины: бизнес на страхе» в 2009 г. получил специальный приз международного фестиваля DetectiveFEST (проводится при поддержке ООН). В 2008 г. – победитель конкурса «Открой Украину» за лучшие телевизионные документальные фильмы в жанре социальных расследований и биографических очерков. Весной 2011 г. вышел в эфир фильм «Катынь: письма из рая», посвященный гибели польских офицеров во времена сталинского режима. Фильм был создан съемочной группой Алексея Бобровникова при поддержке и финансировании посольства Республики Польша в Украине. В 2011–2012 годах жил и работал на Кавказе, в 2013-м вернулся в Украину, где освещал военную агрессию на востоке страны и в Крыму. В 2016 году получил приз конкурса «Честь профессии» (проводится при поддержке USAID) в номинации «Лучшее раскрытие сложной темы» за цикл телевизионных сюжетов о нелегальном бизнесе на Донбассе. Проходил стажировку в агентстве Рейтер на курсах для международных корреспондентов в Бейруте.

Родился в 1979 году, в журналистике – с 1999 года.

Крайности Грузии В поисках сокровищ Страны волков

Вместо предисловия

В аэропорту ты думаешь всего о трех вещах, а именно: о паспорте, о том месте, где лежат деньги, и – почему-то – о посадочном талоне. Сама мысль о потере одного из этих атрибутов бросает в холодный пот.

Всего три предмета, но страх потерять их преследует тебя каждую секунду.

Путешественник нервно похлопывает себя по карману. Бумажник на месте, но этого недостаточно. Через секунду параноик-воздухоплаватель украдкой заглядывает вовнутрь и большим пальцем, как колоду карт, пролистывает хрустящие купюры.

Как будто здесь, среди сборища всех этих транзитных аферистов, летящих черт знает откуда и куда, находится воришка-телепат, способный обчистить тебя одним усилием мысли.

Деньги. Паспорт. Посадочный талон...

Нигде, как в аэропорту, страх потерять эти самые главные в жизни бумажки не бывает таким концентрированным.

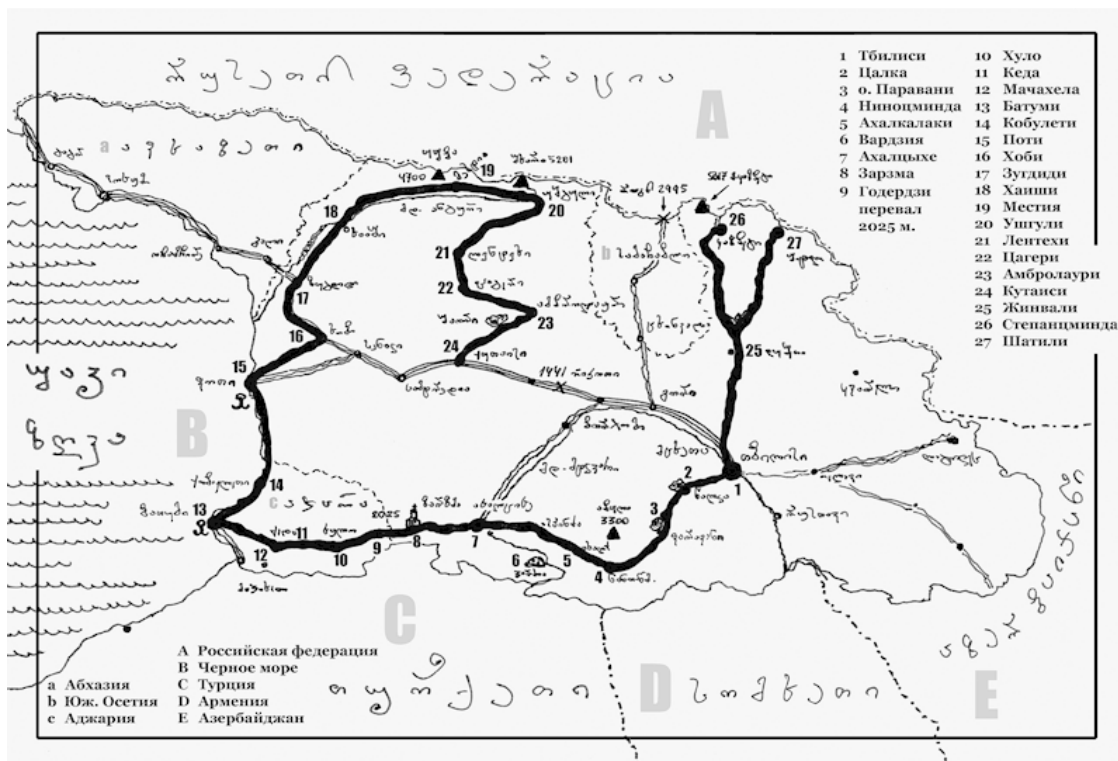
На суше, в своем привычном ареале обитания, мы привыкли беспокоиться одновременно о тысяче вещей: о людях, счетах, светофорах, отчетах о доставке смс-сообщений, паролях, почтовых ящиках, позавчерашних неотвеченных звонках.

Здесь же, на станции «земля-воздух», тревога, мучающая путешественника, заставляет его вновь и вновь комкать в ладони посадочный талон.

Этот кошмар куда страшнее боязни авиакатастрофы. Ведь путешественник, отправляющийся в долгую дорогу, боится отнюдь не терактов и катастроф. Больше всего на свете он боится вернуться домой.

Маршрут 1 Уик-энд в Тбилиси

Во время которого меня выселяют из гостиницы и я оказываюсь в гостях у правнучки грузинского царя

Город, который любит тебя

«...Ясное небо Грузии, горный воздух, тень ореховых деревьев гораздо здоровее и приятнее, чем цвет небес зелено-бледный, мишстые болота и тщедушные елки и березки большей части русских губерний».

Из Кавказского календаря за 1848 год

Не знаю, что это: другая плотность воздуха, другая формула воды? Тучи, нависшие над горами, выглядят тверже, чем обычно. Или дело в контрастности?

В Тбилиси твердо стелют облака. Значит, здесь будет мягко спать?

Забрав паспорт из рук некрасивой, но какой-то очень благородной грузинки с теплыми глазами, я отправился за багажом.

«Tbilisi. The city that loves you» – сообщается на раздвижных дверях аэропорта, к которым я толкаю тележку, груженную вещами.

Двери распахнулись перед носом.

Передо мной стоит друг.

«Я вернулся», говорю ему.

Я не говорю «приехал» – только «вернулся».

Когда-то, счастливый и беззаботный, я приезжал в Тбилиси, чтобы поделиться этими ощущениями с теми, кого люблю.

В этот раз я прилетел налегке: ни людей, ни обязательств; у меня даже нет обратного билета. Я не знаю, когда вернусь. Честно говоря, даже не уверен, вернусь ли.

«Как ты?..» – спрашивает друг.

Чтобы ответить кому-то на вопрос «как ты?», нужно сперва задать этот вопрос себе самому. Задать – и не бояться услышать ответ. Выходя из магазина и пополнив счет грузинского телефона, я вдруг получил сигнал.

«Как ты?» – повторил я, обращаясь к самому себе.

«Как будто открыл глаза – и дома», – ответил внутренний голос.

Скучный дворик

«Мы искали для тебя хороший скучный дворик... Хороший тихий дворик», – поправил себя мой друг.

«Подходит», – отвечаю смеясь.

В первые дни по приезде я искал спокойное место, чтобы изучить материалы и разработать маршрут.

Мой план – написать цикл репортажей о самых отдаленных территориях и традициях, которые сохранились в Грузии вопреки советской власти, неокapитализму и цивилизации как таковой.

Интуиция и опыт прошлых поездок подсказывали, что сохранилось довольно много.

Если верить услышанному и прочитанному в Тбилиси, то во время путешествия удастся увидеть обряды с массовыми жертвоприношениями; церкви, где службу правят не священники, а сельские старейшины; храм тайного церковного ордена, о котором ничего не известно, кроме фамилии одного человека – единственного связующего звена с внешним миром.

Среди прочих историй мне рассказывали даже о цыганском короле, якобы поселившемся в горах грузинской провинции Аджария. Его самого никто не видел, но, говорят, некая журналистка уже отправлялась на его поиски. Девушка исчезла, и последние два года о ней никто не слышал.

Любая из историй, услышанных в городе, может обернуться сенсацией или изысканной выдумкой.

(Вспоминаю мою эпопею с «цацали» – таинственным обрядом, о котором расскажу позже. Может, и на этот раз все окажется таким же запутанным и непонятным?)

Готовясь к путешествию, я поселился в итальянском дворике в одном из старых районов Тбилиси. Моя комната на третьем этаже – это чердак с видом на старую, разлапистую акацию и двор, где жильцы круглые сутки наблюдают за жизнью друг друга, делают замечания, ходят пить чай, иногда дерутся... Знай итальянцы, что местные дворики носят такое название, они бы очень удивились: так живут только в Грузии.

Завтрак в Тбилиси

«Если хотите видеть все видоизменения уличной жизни, то вставайте с рассветом и идите по городу. Утро тихо и спокойно, лавки еще закрыты и потому движения мало. Только грузинские арбы с дровами, привозимые из дальних лесов, наполняют площади. Сонный грузин медленно плетется по улицам с кувшином молока и во все горло кричит дили-рдзе! (утреннее молоко!)».

Из номера газеты «Кавказ» за 1851 год

Утро. Около десяти. Кто-то учится играть на фортепьяно.

Правая рука – в первой октаве.

Как ни странно, звук не раздражает. То ли ученик не настолько бездарен, то ли... Да ведь это синтезатор!

С изобретением синтезаторов соседи будущих музыкантов не поседеют так рано, как во времена стареньких, вечно расстроенных пианино.

На балконе напротив молодая мать ходит взад-вперед, толкая перед собой коляску с неподвижным белым свертком. Вдруг сверток оживает. Руки матери хватают этот новый, прерывистый источник звука. В верхнем регистре теперь уже обе руки...

«Мацо-они, молоко, творог, яйца, зелень!» – кричит нараспев женщина, которая разносит по дворам свежие домашние продукты.

Живущим в итальянских двориках, а не в дорогих гостиницах, завтрак доставляют прямо под окна.

«У вас есть сыр?» – спрашиваю.

«Нет, сыр не ношу. Сыр слишком тяжелый... Мацо-они, молоко!..» – улыбаясь, она продолжает соло.

Покупаю банку мацони – густого, как сметана, йогурта домашнего приготовления.

С горячим грузинским хлебом и крестьянским маслом – это самый вкусный завтрак, который только можно себе вообразить. Что же до свежего хлеба, то в центре города его всегда можно купить в пекарне за углом.

Базар на Сухом мосту

Каждое утро, по дороге в библиотеку, прохожу мимо тбилисского Сухого моста.

Это самый большой сувенирный рынок на Кавказе, где продаются остатки роскоши старинных грузинских домов.

На протяжении последних десятилетий сюда свозят мешками древние ложки, бутафорские и настоящие кинжалы, глиняные горшки, портреты вождей и картины маслом; старые люстры, разобранные и продаваемые по стеклышку всякому, у кого нет денег на новый светильник или тому, кому расстаться с памятью кажется кошунством...

«Старые афиши, покупаем старые афиши!»

«Ордена, медали, ордена...»

«Сколько?» – спрашивает молодая, дьявольски хорошенькая туристка, похожая на цыганку, указывая на патронташ, висящий рядом с истоптанными коврами и миниатюрной железной дорогой марки Ріко.

«Шестнадцатый!» – отзывается владелец товара.

«Что – шестнадцатый?» – недоумевает та.

«Калибр», – отвечает он.

Вот на дереве висят старинные хевсурские доспехи и мечи, точь-в-точь как на виденных мною старинных дагерротипах. Рядом – сверкающий набор инструментов сельского хирурга; граммофон с заржавевшим рупором и пластинки к нему, лежащие тут же, под палящим солнцем или же под проливным дождем.

И среди всего этого хлама – великолепно сохранившаяся деревянная кукла в костюме грузинского князя в черной чохе и с маленьким кинжалом на боку.

«Не снимай, что ты снимаешь тут?! Хочешь купить – купи, потом будешь снимать! Понаехали тут, с фотоаппаратами».

«Сколько это стоит?»

«Для тебя – пятьсот! Ты мне не нравишься!»

«Да не слушай ее, она сумасшедшая! Подходи ко мне, дорогой, посмотри, какой князь! За сорок лари отдам!»

Часто на раскладках можно найти полуистлевшие фотокарточки сванских, гурийских или имеретинских князей, когда-то похищенные из благородных домов.

Случается, что правнучка кого-нибудь из них сама приходит на Сухой мост, чтобы выкупить у нового владельца портрет деда. А тот, одетый с иголки и аккуратно прислоненный к каменному парапету, взирает на происходящее из середины своего девятнадцатого века.

«Дорого? Да вы что, какое дорого, это же – история! Эй, куда ты? За тридцать твоего князя отдам!»

* * *

После сувенирного рынка я сворачиваю влево, на улицу, ведущую к Пушкинской площади и публичной библиотеке.

На угловом здании висит табличка: «Дагни Юль. Норвежский автор, чья жизнь трагически оборвалась в гостинице „Гранд Отель“ 5 июня 1901 года».

Ни пола, ни возраста, ни портрета...

Тогда, отвлекшись от работы над этнографическими документами, я решил разузнать что-нибудь о событиях того дня. Тбилисские газеты начала века молчали: ни в одной из них в колонке происшествий не сообщалось об этом трагическом случае. Пришлось обратиться к энциклопедии искусств.

Здесь была Мадонна

В узком кругу ее называли Аспасией, в честь знаменитой греческой куртизанки. В быту – просто Дагни. В паспорте значилось: «Госпожа Пшибышевская».

После смерти все эти имена будут забыты – останется только портрет кисти художника Мунка, писавшего с нее «Мадонну».

История этой женщины началась в кабаре «Черный поросенок» в Берлине, а закончилась в Тифлисе.

Вот что говорит энциклопедия о ее последних годах:

«У Дагни был роман как минимум с тремя мужчинами в Париже, включая Владислава Эмерика, сына владельца нефтяных вышек. У мужа Дагни Станислава Пшибышевского, в свою очередь, была связь с женой его друга Яна Каспровича и еще одной женщиной, по имени Анеля Пайонкувна. Последняя родила от него дочь...»

Предыдущая жена Пшибышевского, Марта, погибла при загадочных обстоятельствах. Следствие заподозрило в ее убийстве Станислава и Дагни, но остановилось на версии самоубийства.

Муж Дагни спровоцировал связь своей жены с писателем Генриком Сенкевичем, добиваясь от последнего выделения гранта в 3200 австрийских крон.

В 1901 году один из любовников Дагни, Эмерик, пригласил семейную пару в путешествие на Кавказ.

5 июня 1901 года в номере гостиницы „Гранд Отель“ в Тбилиси нефтяной магнат выстрелил Дагни в голову. На следующий день убийца застрелился сам...»

Так, в нескольких коротких предложениях, можно описать бурную историю этой женщины.

Будь моя воля, вместо сухой мемориальной таблички, которая вводит в заблуждение прохожих на перекрестке улиц Атонели и «Хидис куча» (дословно: «Улица моста»), там висела бы репродукция «Мадонны» Мунка с короткой подписью:

«В этом доме 100 лет назад погибла норвежская туристка Дагни Юль. После нее остались двое детей, две коротких новеллы и эта картина».

Что случается в Тбилиси с непрошеными гостями

«Какого вы мнения о грузинах?» – спросил я барона Фино, нашего консула в Тифлисе, проживающего среди них уже три года.

„Это народ без недостатков, со всеми добрыми качествами“, – отвечал он.»

Александр Дюма, «Кавказ»

В Париже, Москве или Тель-Авиве вас не любят только за то, что вы – украинец. (Куда чаще – наоборот.)

В Париже человека не тащат к себе домой поить вином и знакомить с женой только потому, что тот залез на крышу особняка под предлогом сфотографировать городской пейзаж.

В то время как Париж – это бесконечное притворство, Тбилиси – это бесконечный праздник.

Тбилиси стар и обшарпан, но красив, как бывает красива уже увядающая, но удивительно пикантная женщина.

Чтобы успеть узнать этот город таким, каким его видел автор «Трех мушкетеров», нужно отправиться на прогулку в старинный район Сололаки. Здесь находится один из самых старинных соборов Грузии – Сиони, множество художественных салонов и кафе, где собирается местная «золотая молодежь», а также удивительный театр марионеток, где идут постановки совершенно не детского содержания.

В районе Сололаки город выглядит точно так же, как два века назад, когда французский путешественник Шарден назвал Тбилиси «персидским городом».

Несколько лет назад, очутившись в Тбилиси впервые, я забрался на лестницу маленького трехэтажного дома, стоявшего на холме неподалеку от серных бань, откуда видны все восемь центральных соборов Тбилиси, а также мечеть и синагога.

Ступеньки скрипят, как бутафорская палуба в малобюджетном пиратском фильме.

Ползу почти по-пластунски. Двери распахиваются перед самым носом, и я пытаюсь принять вертикальное положение.

«Добрый вечер, – говорит высокая фигура в дверном проеме, освещенная сзади снопом света. – А что вы тут делаете?»

Я не вижу выражения лица и не знаю, что делают в Грузии с людьми, которые в 2 часа ночи залазят на чужие балконы. Тогда произношу фразу, которую с этих пор буду использовать в Грузии на каждом шагу:

«Я украинский журналист. Впервые в Тбилиси. У вас потрясающая страна. Я фотографирую все, что вижу!»

Фигура в желтом столпе света, кажется, становится меньше. «Тогда заходи, дорогой! Будешь вино, виски, кофе, чай?»

Я не знал, как это истолковать, и поэтому на всякий случай спросил: «Вы – женаты?»

Мало ли что.

«Конечно! – ответил голос. – Тамуна!!! У нас гости!»

«Что, опять?» – спросила Тамуна где-то за столбом света.

«Да! Украинский журналист».

«О! Тогда я ставлю чайник».

Я решил прояснить ситуацию.

«Да, но только нас тут трое».

«Ничего, ничего. Ты думаешь, у меня виски не хватит?»

Так я познакомился с моим другом Гочей и его женой Тамундой. Последнюю, за красоту и аристократизм, мы прозвали «Царицей Тамар».

С первых минут знакомства эти люди стали моими главными «путеводителями» по Грузии и помощниками во всех авантюрных начинаниях.

Серная баня

«– В баню! – сказал он по-русски.

Я уже настолько знал по-русски, что понял Фино.

– В баню? – удивился я. – Мы едем в баню?

– Да, – отвечал он, – однако разве вы против этого?

– Против бани? За кого вы меня принимаете? Но вы говорили мне о сюрпризе, и я нахожусь довольно дерзким, что, по вашему мнению, для меня будет сюрпризом – побывать в бане».

Александр Дюма, «Кавказ»

«Тбили» – по-грузински «теплый», а легенду о том, как царь Вахтанг основал город, обнаружив горячие серные купальни, в которые упал и сварился его любимый охотничий сокол, вам расскажет первый встречный тбилисец.

Сто пятьдесят лет назад эту историю рассказали и Александру Дюма.

Вот что он написал о названии этого города в своем «Кавказе»:

«Любопытна благозвучная аналогия, которую имеют некоторые города, известные своими теплыми водами. В древности в Нумидии город Тобилис, а в наше время, кроме грузинского Тифлиса, существует в Богемии город Теплиц, корень которого, очень может быть, тоже „тепло“».

Александр Дюма

Прежде чем отправиться в путешествие вокруг страны, я решил навестить в место, с которого начинали свое знакомство с Грузией все путешественники XIX века, включая Дюма и Александра Пушкина – а именно в тбилисские бани.

В одной из них, принадлежавшей некогда княжеской семье Орбелиани, сохранился номер, известный под названием «Пушкинский».

Как утверждает, именно там разминали косточки отцу современного литературного русского языка.

Запах серы слышен еще в метро; когда ты проезжаешь под станцией Авлабари, он уже бьет в нос, и кажется, воздух становится жарче...

Прихожанки храма Сиони, центрального собора Тбилиси

Ты окунаешь голову в воду, поступающую прямо из преисподней.

Я не знаю, где ее греют: ТАМ или уже тут. Зажмурившись, окунувшись по макушку, слышишь, как вода из пасти каменного льва падает в бассейн, в котором варишься ты.

Тепло. Темно. Жарко. Пока совсем не стемнело – всплывай.

И сразу же – в руки к банщику, который с помощью щетки (бог знает, сколько кож он ободрал с ее помощью до тебя) снимет и с тебя старую шкуру, а потом, намылив с ног до головы, окатит ведром горячей воды, в которой ты только что кипел.

Блюдо готово. На простыне, как на скатерти, счастливого и обессиленного, гостя можно выносить во внешний мир.

* * *

Дюма посвятил тбилиским баням целый раздел своего «Кавказа». Ироничный сластолюбец, он описывает поход в бани почти с таким же эротизмом, как и А. С. Пушкин, разве что не столь экзальтированно.

«...Банщики приступили к последнему этапу, который можно назвать мыльным. Один терщик взял меня под мышки и привел в сидячее положение, как делает Арлекин с Пьеро, когда он думает, что убил его. Другой же, надев на свою руку волосяную перчатку, стал натирать ею все мое тело, причем первый, черная ведром воду из ванны с сорока градусами, выливал мне на поясницу и затылок. (...) Почему Париж, этот город чувственных наслаждений, не имеет подобных бань? Почему ни один делец не выпьет хотя бы двух банщиков из Тифлиса?»

В этой книге мы будем довольно часто обращаться к воспоминаниям Дюма на тех участках пути, где наши дороги, спустя сто пятьдесят лет, пересекутся. Впрочем, повторять его маршрут я не стал. Если для автора «Кавказа» Тифлис, нынешний Тбилиси, стал кульминацией путешествия, для нас он лишь его начало, к тому же дальнейший путь писателя, пролежавший

на то время по местам достаточно экзотическим для западного путешественника, сейчас уступает своими аттракциями другому маршруту, который я собираюсь вам предложить.

Что же касается бань, описанных нашим предшественником, то, живя в Тбилиси, я узнал деталь куда более пикантную, чем то, что подметил в них знаменитый беллетрист.

Дюма довелось попасть в тбилисские бани в «женские дни», но об одном из самых любопытных обрядов мог не знать сопровождавший его французский консул, и, вероятней всего, умолчала семья, в которой гостил романист.

Дело в том, что в «женские» дни тбилисские бани становятся столицей сводничества. Речь, в данном случае, идет не об организации ситуативных маленьких грешков на час, а о серьезных сделках на уровне брачных контрактов.

Старые свахи снуют между купающимися девушками и как будто невзначай присматриваются к ним, заводят разговор о семье, о работе и соседях, узнавая ненавязчиво адрес и социальный статус девушек, одновременно рассматривая их тела, нет ли в них изъяна.

Заклучение свахи редко бывает определяющим в выборе будущей жены, но, уверяю вас, ее рекомендательный голос бывает услышан.

Я не слышал ни о чем подобном в зале для мужчин; впрочем, те же свахи наводят справки и о горожанах мужского пола, заходя ненавязчиво на утренний чай под видом обычных соседей. Сидя на чужих кухнях, они (с ленцой и без видимого интереса) выпрашивают у новых постояльцев об их работе и среднемесечном доходе, формируя, таким образом, собственную базу предложений для соседских матрон, мечтающих выдать замуж дочерей удачно, не откладывая, к тому же, затею в долгий ящик.

Приключение начинается

Я застрял в Тбилиси на несколько недель. Рано или поздно идиллия должна была закончиться. Я не думал, что это произойдет так скоро.

Утром меня разбудил стук в дверь. Это был хозяин.

«Садись», – сказал я ему.

(Если восточный человек хочет поговорить, отказывать ему в этом не принято.)

«Знаешь, я ездил в Азербайджан, – начал он. – На четыре дня. Оччень плохо съездил...»

Я понимающе кивнул.

«Чаю хочешь?» – спросил, хотя, по правде говоря, мне хотелось сказать что-то совсем другое.

«Ара, нет, спасибо», – ответил Важа.

«Представляешь, – я забыл дома мобильный телефон, – продолжил он. – Там это очень дорого и я все время был без связи...»

Я пытался понять, зачем он сообщает мне подробности своего пребывания в Азербайджане. Может, получил от жены взбучку, и теперь ему срочно понадобилось излить душу?

Двое молодых туристов из Франции были заняты друг другом (причем заняты довольно шумно, так что тревожить их в эти минуты казалось кощунством), а странная пара турок (с виду – отец и сын) в номере напротив проводили время в полной тишине, почти не выходя из своей каморки... Таким образом, среди всех постояльцев его гостиницы я был, пожалуй, единственным, подходившим для подобных разговоров.

Важа с сокрушенным видом продолжил:

«А знаешь, как там было скучно, в Азербайджане! Я целыми днями в номере пил пиво... А оно там ужасное. Пены нет, еще и водку добавляют. Для градуса. Вот так сидишь и пьешь эту... это...» – Важа, казалось, подбирал подходящее слово, но, подобрав его, постеснялся произносить вслух.

Стены старого города. При всей привлекательности Тбилиси для эмиграции здесь не рекомендуется покупать недвижимость в старинных домах

«Пьешь эту мочу!» – выпалил я, чтобы хоть как-то раскрепостить его и поскорей подвести разговор к кульминации, а значит, и к концу...

«Да... именно так...» – сказал Важа все тем же безрадостным тоном.

В эти минуты он напомнил героя очень грустной постановки Резо Габриадзе «Сталинградская битва», шедшей в театре марионеток.

Тем временем Важа, с видом фатальной обреченности (ох, и устроит ему жена – злорадно думал я), сидя на краю моей кровати, переминался с ноги на ногу. Раньше я не обращал внимания на то, как люди ухитряются перебирать ногами сидя – сейчас как раз и был такой уникальный случай...

«А, кстати, знаешь, как милиция зарабатывает в Азербайджане?» – спросил Важа после долгой паузы. Я покачал головой.

«Они сдирают деньги со всех иностранцев, которые снимают проституток. Говорят им – плати тысячу долларов, или даже две – или садись в тюрьму».

«Вот как! – подумал я. – Теперь понятно, почему у Важи такое печальное лицо...» Я взглянул на обладателя этого лица оценивающе, глазами бакинского полицейского: «Ну, больше тысячи с него не возьмешь...»

«Вот подонки, – произнес я вслух. – А девочек они не трогают?»

«Вай, конечно нет! – ответил Важа. – Они же с ними заодно!»

Я сокрушенно покачал головой.

«Кстати, – сказал Важа, распрямляя ноги, – моя жена тебе не сказала, но к нам должен приехать гость. Он забронировал это место уже давно, просто мы забыли тебе сообщить».

«Никаких проблем. Я уезжаю через четыре дня. Так что, пожалуйста...»

«Извини, но моя жена ошиблась. Гость приезжает сегодня...»

«Сукин сын. Сукин сын. Сукин сын», – подумал я, а вслух произнес: «В котором часу?»

«Где-то в пять», – ответил хозяин хостела, реклама которого никогда не появится на страницах этого путеводителя.

«Ну что ж, тогда вези меня в другое место... К какому-нибудь гостеприимному и обязательному хозяину!» – сказал я, делая ударение на слове «обязательный».

Замечу к чести Важи, что он выполнил просьбу наилучшим образом.

Так я познакомился с Кетино Абашидзе, праправнучкой последнего грузинского царя Ираклия II, и с привидениями ее дома.

Женщина, не любившая шум

Здесь всегда пахнет свежим хлебом и смесью пыли и одеколона, как из старого флакона, затерявшегося в глубине трюмо.

А во дворе их дома, в маленьком садике с несколькими розовыми кустами и большой пальмой – запах подвала, полыни и свежесваренного кофе.

«Ты будешь спать на кровати, на которой спал Александр Дюма!» – говорит хозяйка.

Одна из главных семейных реликвий – кровать, на которой, по семейной легенде, спал автор «Трех мушкетеров», писавший в Тбилиси книгу путевых заметок о Кавказе.

«Хм... главное теперь угадать, где у этой кровати голова, а где ноги. Чтоб вдохновение писателя передавалось в нужное место», – подумал я про себя.

Княгиня Мария Орбелиани. Семейные портреты, спрятанные под половицами ее дома, после распада СССР были снова вытасщены наружу

В заметках французского беллетриста читатель встретит множество упоминаний о семье Орбелиани, но ни одного – о ночлеге в их доме.

Впрочем, разве автор всегда дает читателю подробный отчет о месторасположении всех кроватей, на которых ему доводилось почивать?..

В комнате, где меня поселили, множество фамильных портретов: царь Восточной Грузии Ираклий Второй; отец хозяйки – альпинист, погибший 26-ти лет от руды на одной из вершин Сванетии; княгини разного возраста и вызывающий тревогу сюжет – рисунок, на котором растерянная, с ищущими глазами женщина отступает, пятясь спиной, к стене. Это сама Кетино, нынешняя хозяйка.

Один из портретов не дает мне покоя. Капризный рот и самоуверенный взгляд под полу-прикрытыми веками.

Хочу спросить «Кто она?», но начинаю разговор издалека. Спрашиваю о прапрадеде, короле Ираклии, потом о доме...

Большой двухэтажный особняк семья купила в 1827 году.

«Двухэтажный? Но здесь ведь только один этаж?»

Кетино улыбается и указывает на тот самый портрет: «Мария Вахтанговна не любила шум...»

Шум преследовал ее повсюду – в голосах слуг, в криках уличных торговцев в центре Тбилиси, где она отказывалась жить. Экипажи, проезжавшие по улице, голоса извозчиков, даже звон колокола католического собора напротив – все это раздражало ее. Она так ненавидела шум, что распорядилась разобрать верхний этаж и отселить назойливых слуг в пристройки во дворе.

А что она любила? Говорят, у нее был муж. Есть женщины, о которых не получается, даже при всей грузинской патриархальности, сказать: «Она была женой такого-то».

«Были ли дети у Марии?»

Кажется, я уже знаю ответ...

«Дети? – переспрашивает Кетино. – Нет, у Марии Орбелиани не было детей».

Говорят, она устраивала в этих комнатах литературные вечера.

Кто-то из писателей был влюблен в нее. Персонажи тех светских раутов остались жить в семейном альбоме, где их черты набросала рука некоего талантливый скетчиста.

Они пили здесь кофе и ели ее угощение – удивительно вкусные карамельные конфеты.

В комнатах, принадлежавших Марии Орбелиани, я провел несколько удивительных дней и ночей, наслаждаясь покоем прохладных стен и читая записки автора «Трех мушкетеров» о похождениях по Кавказу.

Говорят, и он захаживал к ней.

Говорят...

«Торопись начать!..»

Несколько дней подряд я рыскаю по дому в поисках свидетельств о жизни Марии Вахтанговны.

Влюбленность – опасное ощущение в Грузии, однако в этом случае я ничем не рискую, ведь объект моего увлечения – старинный портрет.

Кроме него и еще нескольких рисунков в семейном альбоме, мне не удастся найти ничего, напоминающего о бывшей хозяйке.

Вдруг, украдкой листая записные книжки прошлого века, обнаруживаю записи, сделанные женской рукой. Почерк похож на тот, что я увидел на старинной открытке, подписанной ее высочеством Марией Вахтанговной Орбелиани.

Цитаты, обнаруженные в этом дневнике, я аккуратно перенес в свой блокнот:

«Торопись начать! Думай, что у тебя всегда есть время только для успеха, но не для неудачи»

«Дождаться радости тоже радостно»

«В этой жизни умирать не трудно. Сделать жизнь значительно труднее».

«Люблю я поздравлять счастливых, но редко счастлив сам бывал».

«Жалок тот, в ком ничего не осталось от ребенка»...

Если бы не эти записи, я ни за что не пошел бы в тот вечер в театр марионеток.

Но, отменив очередной раут с тбилисскими друзьями, я отправился на субботнее представление.

Тбилисский театр марионеток

Хороший кукловод – это когда думаешь: «Как здорово кукла двигает руками этого человека».

В первые минуты кукла – полуистлевший скелет – достает из песка древко знамени, каску и пятиконечную звезду.

И, выполнив этот долг чести (а как по мне – долг памяти), снова закапывает себя...

А потом они заговорили. И тут уже я знаю, что на крючке.

«В Киев не ходи. Забудь Наташу», – произносит голос феи из спектакля, предстающей в образе вагоновожатого с какого-то глухого российского полустанка.

Фея, или ангел-хранитель, пытается оградить героя от того, от чего оградить никак нельзя – от самого себя. И автор, зная это как никто лучше, продолжает вести своих персонажей туда, откуда нет возврата.

«Где черта, отделяющая любовь от ненависти? А может быть, они – одно?» – размышляет герой за минуту до того, как...

«Ладно, подключу я тебя к жизни еще раз. Горько тебе будет, плакать будешь... Поживи еще», – говорит фея, теперь уже настоящая, с крохотными крылышками фея, неожиданно спускающаяся по маленькой лесенке с небес и продлевающая действие.

И тут я вспоминаю свое любимое из Волошина: «В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки».

Габриадзе, написавший в свое время сценарии к лучшим фильмам советского кинематографа, выкапывает из меня эти две строки русского поэта и многое, многое другое.

* * *

Воскресное утро началось со звона маленьких колокольчиков и пения. Звук голосов приближается.

Оказалось, это процессия католиков, идущих к мессе. Священник проповедует на русском, чему я очень рад, так как впервые понимаю слова службы.

«Бог призовет тебя, но он не скажет „Раб мой“. Он скажет „Друг мой“. Раб – это тот, кто безмолвно и покорно следует за хозяином. Нет, ты, идущий за ним, не раб ему, а друг!»

Стоящие у храма, на противоположной стороне улицы и даже по краям проезжей части, – все до единого опускаются на колени.

Машины тормозят и, вопреки обыкновению, никто не гудит в клаксон. Даже самый беспардонный и крикливый грузинский водитель ни за что не станет мешать божьему промыслу.

* * *

«В этом дворе – вся история Грузии», – говорит хозяйка.

Кетино рассказывает, что в 37-м году к ним пришел какой-то большевик с ружьем и сказал, что будет теперь жить в их доме.

Она не идеально говорит по-русски, и «большевик с ружьем», возможно, был НКВДистом с пистолетом.

К тому времени у семьи Орбелиани уже отняли все – дома, замки, виноградники.

А теперь еще этот «большевик с ружьем», решивший стать их соседом.

Половина дома, оставшаяся их семье, выходит окнами на улицу Абашидзе, названную в честь известного литературного критика и дедушки Кетино. Окна с другой стороны – смотрят на улицу Джавахишвили, названную в честь знаменитого историка, профиль которого изображен на банкноте номиналом 5 лари. В том крыле живут родственники этого самого Джавахишвили, а в пристройках во дворе – потомки НКВДиста, обосновавшегося там не благодаря гостеприимству хозяев, а вопреки их воле.

После долгих объяснений я, наконец, начинаю понимать, кто кому родственник в этом дворе.

Следующим утром, перед завтраком, хозяйка сказала: «Я не знаю, как в Украине, а у нас принято, чтобы все вместе садились за стол – и гости, и хозяева, и князя, и прислуга... У вас ведь тоже так?»

Я сцепил зубы и часто-часто закивал. Мне почему-то стало очень грустно.

Я вспомнил о собственных родственниках, расстрелянных большевиками, и рассказал Кетино («ай, мурашки по рукам» – задрожала хозяйка) историю тетки Татьяны, вернувшейся домой после двадцати лет лагерей.

Поселившись в загородном доме, эта женщина, от страха перед новыми незнакомыми гостями, окружила себя шестью громадными немецкими овчарками, старшего из которых звали Урсом.

Я вспомнил ее дом, в котором часто гостил летом. Он, как и дом Кетино, был полон фотографий и портретов. Но, в отличие от содержащегося в относительном (а как для Грузии – в абсолютном) порядке особняка Кетино, тот дом был захлавлен и запылен до невозможности.

Жутковатый, вообще-то, был дом. А у тетки – сорванный, клопочущий, как у ворона, голос, и понять то, что она говорила, мог только ее верный Урс... Голос она потеряла в тот день, когда получила сообщение о своем освобождении в связи с хрущевской амнистией.

Поговорив о родственниках, мы переходим к чаю.

Кетино владеет семейным рецептом конфет, которыми угощала гостей своего литературного салона княгиня Орбелиани.

Сладости приготовлены из грецких орехов, тщательнейшим образом очищенных и перемолотых.

Хозяйка ни за что не раскроет свой секрет, но там угадывается легкий привкус лимонной цедры и толика корицы. Густую смесь, скатанную в шарики, Кетино погружает в горячую карамель; дает ей остыть, а затем укладывает на крошечные карамельные медальоны с семейным вензелем «ОБ».

Со сладостями, приготовленными хозяйкой, я удаляюсь в комнату, спасая свою порцию от многочисленных членов семьи, сбежавшихся на запах. И тогда лицо княгини со своей вечной иронией смотрит на меня со стены.

Впоследствии я встречал конфеты Кетино в нескольких кафе в Тбилиси. Иногда они были очень похожи на оригинал, но никогда мне не доводилось есть точь-в-точь такие же.

Я спросил об этом хозяйку. Она рассмеялась: «Алекс, кроме меня, больше никто в Тбилиси не умеет готовить таких конфет. Но в то кафе, которое ты назвал, я действительно продаю этот (тут она переключилась на французский) *конфитюр*...»

«Но почему тогда их вкус отличается от домашних?»

Приняв мои слова за изысканный комплимент, хозяйка улыбнулась и перевела взгляд на лицо своей предшественницы: «Может быть, все дело в портрете?»

«Забудьте о времени, вы в Грузии»

Наконец план поездки был готов: я решил пересечь все основные провинции на пути из центра Грузии – Тбилиси – до самого северного и, до недавнего времени, наименее цивилизованного ее района – Сванетии.

Этот маршрут включает территории Самцхе-Джавахетии, Аджарии, некоторых районов Самегрело (или Мегрелии), Верхней Сванетии и Рачи, и должен закончиться в столице древней Колхиды – нынешнем Кутаиси.

Моим главным и единственным средством передвижения станет велосипед. Я не беру с собой спутниковый навигатор и намерен руководствоваться в пути лишь картой, нарисованной от руки.

Несмотря на многочисленные соблазны, обещаю себе неукоснительно следовать избранному маршруту.

«Сколько времени понадобится, чтобы объехать все это?» – спрашиваю у одного из тбилисских друзей.

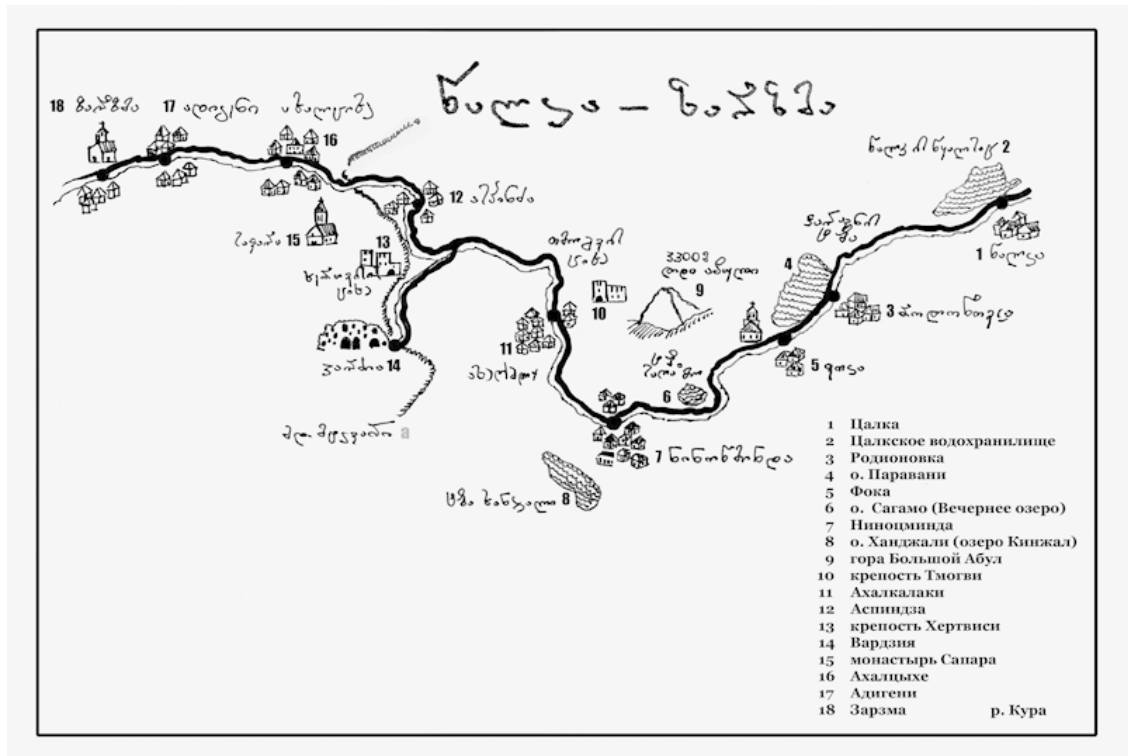
Тот задумался на несколько секунд: «Может, и две недели. А может – два месяца. Забудь о времени – ты же в Грузии».

По опыту предыдущих путешествий я знал: в любом из мест, лежащих на пути, можно остановиться на чашку кофе... и задержаться на неделю.

Собрав необходимый багаж, запасшись куском копченого сулугуни и несколькими конфетами по рецепту Марии Орбелиани, я сел на велосипед и отправился по самой длинной из возможных дорог вокруг страны.

Первым пунктом назначения была горная Аджария.

Маршрут 2 Через Нижнюю Грузию и Джавахети Монахи, пещерный город и встреча с самим дьяволом

Из Тбилиси – на запад

У желающих попасть к морю из Тбилиси есть два пути. По центральной дороге через Кутаиси, а оттуда – напрямик к пляжам, хачапури по-аджарски и другим наслаждениям, которые сулит крупный портовый город Батуми; или же по околичной дороге – мимо пещерного города Вардзия, через Месхети, перевал Годердзи и ущелье Мачахела, где раньше производили знаменитые кавказские ружья.

Путешественнику, выбравшему неизбитый маршрут, следует спросить дорогу в направлении поселка Тцкнети и следовать дальше в сторону городка Цалка и озера Паравани.

Я проехал мимо кладбища Ваке, на котором мечтают быть похоронены все жители районов Ваке, Вера и Сабуртало. Это уютное старинное кладбище с множеством живописных надгробий.

Выехав из города, я отправился на юго-запад по выющемся вверх серпантину. Невысокие горы, откуда открывается панорама на Тбилиси и его окрестности, поросли сосновыми лесами – в эти прохладные места горожане бегут от тяжелого летнего зноя.

Некоторые тбилисцы не покидают пригород Тцкнети до середины сентября, когда в школах начинается учебный сезон.

Дальше путь пролегает через Нижнюю Грузию – в целом малоинтересное место, одно из немногих достопримечательностей которого – поселок Накалакари неподалеку от городка Дманиси, где в начале 90-х археологи нашли останки человека, претендующего на титул «первого человека в Европе». Эта находка дала повод грузинам в очередной раз заявить о своем

первенстве не только в производстве вина, но также в появлении самой человеческой цивилизации.

Дорогу в городок Дманиси вам укажет первый же встреченный по пути грузинский полицейский, даже если вы не станете просить его об этом. Каждый грузин – патриот своего края, и если у уроженцев Нижней Грузии и нет стольких поводов для самолюбования, как, например, у сванов, они не будут менее настойчивыми, предъявляя объекты своей гордости. Впрочем, в виду небольшого количества других достопримечательностей место обитания первого *Homo georgicus*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.